

Аничкин Е.С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности, виды, действие // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 2, с. 87–105.

УДК 34
DOI 10.17506/ryipl.2016.18.2.87105

ФИКЦИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ, ВИДЫ, ДЕЙСТВИЕ

Евгений Сергеевич Аничкин

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой трудового,
экологического права и гражданского процесса
Алтайского государственного университета,
г. Барнаул, Россия. E-mail: rrd231@rambler.ru

Материал поступил в редколлегию 17.10.2017 г.

Исследуются конституционно-правовые фикции как феномен современной правовой реальности. Правовая фикция представляет собой феномен, при котором вымышленное положение объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу его отражения в нормах права, либо, наоборот, реальное положение признается несуществующим. Отраслевые особенности конституционно-правовых фикций заключаются в том, что они имеют обширное поле действия и затрагивают приоритетные области жизнедеятельности; как правило, отличаются выраженной политической и идеологической направленностью; наблюдаются в особых случаях. К подобным случаям относятся абстрактные правовые понятия, термины, понимание и толкование которых неоднозначно; ситуации, когда конституционно-правовые нормы не получают должной конкретизации и развития в иных нормативных правовых актах; нейтрализация конституционных норм вследствие изменения общественно-политической обстановки; «преобразование» норм Конституции текущим законодательством или решениями Конституционного

Суда РФ (под преобразованием автор понимает изменение, порой существенное, смысла ее отдельных положений без формального вторжения в конституционный текст).

Отдельное внимание уделено классификациям и конкретным проявлениям фикций в конституционном праве Российской Федерации. В зависимости от уровня юридической силы фикции можно подразделять на конституционные и подконституционные; в зависимости от содержания – на материальные, процессуальные и смешанные; в зависимости от продолжительности существования – на статические и динамические; в зависимости от формы выражения – на открытые и скрытые (латентные); в зависимости от отношения к фактическим обстоятельствам – на положительные и отрицательные; в зависимости от институтов конституционного права России – на фикции в основах конституционного строя, правах и свободах человека и гражданина, федеративном устройстве, институте президентства, парламентском праве, законодательном процессе, в местном самоуправлении.

В итоге конституционно-правовые фикции дефинируются как нормативные положения, содержащиеся в Конституции РФ и иных источниках конституционного права, которые признают заведомо несуществующее положение существующим и наоборот, а также имеют отраслевые особенности. Сделан вывод о неоднозначной роли фикций в конституционно-правовом регулировании общественных отношений и о необходимости оптимизации их использования.

Ключевые слова: конституционно-правовая фикция, реальность положений Конституции, фиктивность положений Конституции, правовая жизнь, «преобразование» Конституции.

Современная правовая действительность России чрезвычайно сложна, многообразна и динамична. Тем не менее в ней просматриваются некоторые константы, неотъемлемые свойства. Одним из них является эпизодически наблюдаемое расхождение между писаным правом и правовой реальностью, формальной и фактической сторонами правовой жизни. Наиболее явным проявлением дисгармонии норм права и действительности выступают фикции, встречающиеся в различных отраслях российского права.

Как известно, слово «фикция» происходит от лат. *factio*, то есть выдумка, вымысел. В толковом словаре русского языка фикция определяется как «намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности, а также вообще подделка» (Ожегов, Шведова 2010: 854). Правовая фикция представляет собой явление, при котором вымышленное положение воспринимается как существующее и приобретает обязательный характер в силу его отражения в нормах права либо, наоборот, реальное положение признается несуществующим. Иными словами, фикция проявляется как очевидное несоответствие между правовой нормой и действительностью, когда те или иные юридические последствия нормы права связывают с заведомо ирреальными фактами.

На первый взгляд, фикция совершенно не уместна и даже вредна в юриспруденции, поскольку праву должны быть чужды неточности, неопределенности и тем более вымыслы. Однако развитие общественных отношений и правовая практика вызвали к жизни данный феномен и прочно укоренили его в правовой жизни. В связи с этим уже с XIX в. фикция стала

объектом пристального научного внимания известных ученых того времени – Е.В. Васьковского, Ю.С. Гамбарова, Г.Ф. Дормидонтова, Д.И. Мейера. Традиция исследования фикций была продолжена в советский период такими видными учеными, как С.С. Алексеев, М.Л. Давыдова, В.И. Каминская, А. Нашиц и др. В современной юридической науке проблеме фикций также уделено определенное внимание, свидетельством чему являются труды Е.А. Джазояна, Л.А. Душаковой, О.А. Курсовой, Р.К. Лотфуллина, И.В. Филимоновой.

Сложность и многогранность исследуемой категории обуславливает многообразие точек зрения на природу фикции как правового явления. В этой связи любопытно обобщение подходов к пониманию фикции, проведенное И.В. Филимоновой. Она выделяет семь подходов: 1) классический (традиционный), в рамках которого фикция рассматривается как прием юридической техники, состоящий в признании существующим несуществующего и наоборот; 2) «двойственный», в соответствии с которым фикция воспринимается и как прием юридической техники и как свойство нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой или правоприменительной деятельности; 3) нормативный, изучающий фикцию как норму права; 4) презумптивный, когда фикция определяется как предположение и ассоциируется с презумпцией; 5) юридико-фактический, согласно которому фикция представляет собой юридический факт; 6) узкоотраслевой, применяемый в криминалистике и уголовном процессе; 7) расширенный (синтетический), рассматривающий фикцию как прием, применяемый при осуществлении различных видов юридической деятельности (Филимонова 2013: 212-213). В рамках настоящей статьи мы придерживаемся классического понимания правовой фикции.

Внешне, текстуально, правовые фикции выражаются словами «считаться», «являться», «как бы», «как если бы», «тождественно» и т.п. Наиболее распространенными объектами фикции являются факты, лица, предметы, территория, время, вид деятельности. По сути, фикция выступает в качестве особого приема юридической техники, позволяющего исключить избыточность правового регулирования, восполнить пробелы в праве, упростить правовое регулирование чрезмерно сложных правовых отношений и в целом оптимизировать нормативную систему. Еще Г. Еллинек справедливо отмечал, что фикция является «вспомогательным средством конструкции, предназначенным к тому, чтобы распространять юридические нормы за пределы их первоначальной цели, смягчать суровость формального права, облегчать доказывание в процессе» (Еллинек 2004: 178). Преимущественно положительно роль фикций в праве оценивают и современные юристы. Так, с точки зрения К.В. Карпенко, «они выражают глубинную, сущностную способность права к саморегулированию и самовоспроизводству»; с помощью фикций «право получает возможность существовать бесконечно долго во времени и пространстве, постоянно перерабатывая самое себя» (Карпенко 2013: 139). Вместе с тем встречается и негативная оценка этого феномена. Так, по мнению Ю.В. Кима, «фикции деформируют гражданское правосознание и “искривляют” государственно-правовое пространство» (Ким 2014: 153). Не вдаваясь в дискуссию о роли фикций в праве, заметим, что эффект

от их использования неоднозначен: в отдельных случаях применение этого приема юридической техники спасает положение, в других – создает дополнительные сложности и снижает эффективность правового воздействия.

Немаловажное значение в правовой жизни России играют конституционно-правовые фикции. Это объясняется не только их сравнительно (с другими отраслями права) слабой изученностью, но и практической значимостью. Фундаментальное положение конституционного права в правовой системе России, наивысший уровень юридической силы положений Конституции РФ как главного источника конституционного права, традиционная условность и ирреальность отдельных положений Основного закона государства, существенная зависимость конституционного права от официальной идеологии и политической ситуации и ряд других обстоятельств создают благоприятную почву для формирования конституционно-правовых фикций и объективно актуализируют данную проблематику. Объясняя сосредоточение в конституционном праве правовых фикций, Ю.В. Ким аргументированно связывает это с природой основного закона государства, который «предстает в качестве своеобразного (и мощнейшего по влиянию на общественное сознание) юридического инструмента, конституирующего политические “мифы” и “легенды” соответствующей эпохи» (Ким 2014: 7).

Следует согласиться с теми исследователями, которые указывают на фиктивность Конституции РФ (Мухачев 1998: 31; Лукьянова 2003: 316-317; Нерсесянц 1998: 389-392). Классификация конституций по критериям «реальные» и «фиктивные» весьма условна, поскольку никакая конституция не может быть в полной мере реальной или в полной мере фиктивной. Следовательно, правильнее вести речь о фиктивности отдельных положений действующей Конституции. Основная предпосылка такой фиктивности, по справедливому мнению В.С. Нерсесянца, состоит в том, что закрепленные в ней правовые начала «по своему социально-историческому смыслу и содержанию характерны для прочно сложившегося буржуазно-демократического строя» (Нерсесянц 1998: 389), который в настоящее время в нашей стране только формируется.

Иногда фиктивность норм конституции возникает из-за отсутствия необходимых условий их реализации (Лучин 2002; Зражевская 1999; Мазуров 2004). Прежде всего, необходимо различать несколько уровней реализации Конституции РФ: реализацию Конституции в целом, реализацию отдельных глав Конституции и реализацию отдельных норм Конституции. В данном контексте мы имеем в виду последний уровень реализации Конституции РФ. При этом реализация норм Конституции РФ дифференцируется в зависимости от вида этих норм. Так, И.П. Ильинский выделял три вида норм Конституции исходя из способа их реализации: программные положения и нормы-принципы, нормы общерегулирующего характера, нормы непосредственно регулирующего действия (Ильинский 1980: 12). Однако более точной представляется позиция И.А. Кравца, выделяющего следующие нормы Конституции РФ в соответствии с механизмом их реализации: самодостаточные нормы, то есть нормы, реализация которых не требует конкретизации в иных нормативных правовых актах; конституционные

провозглашения; нормы, допускающие развитие своих предписаний в текущем законодательстве и бланкетные нормы, которые в обязательном порядке подлежат конкретизации в назывных актах (Кравец 2003: 73–76). Из этого следует, что реализация охватывает подавляющее большинство норм Конституции РФ.

Вместе с тем в процессе реализации возникает ряд препятствий внеправового и правового характера. В частности, к внеправовым препятствиям реализации норм Конституции РФ могут быть отнесены низкий уровень правовой культуры органов власти и населения, сознательное уклонение законодателя от реализации соответствующих норм Конституции РФ, отсутствие необходимых социально-экономических и политических условий. Например, крайне слабо реализуются положения ст. 40 о праве каждого на жилище, ст. 42 о праве каждого на благоприятную окружающую среду, ст. 41, в соответствии с которой «медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». К правовым препятствиям «правильной» реализации Конституции РФ относятся, на наш взгляд, неопределенность ее отдельных положений, коллизии некоторых норм Конституции, искажение смысла нормы Конституции в текущем законодательстве. Так, определенным обесцениванием положений ст. 7 Конституции РФ, провозгласившей Россию социальным государством, явилось принятие Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”», – закона, известного как «закон о монетизации льгот», который заменил большинство социальных льгот различным категориям граждан скромными денежными компенсациями и ухудшил тем самым социальное положение многих граждан России (Федеральный закон № 122-ФЗ, 2004). Более того, вопросы вызывает соответствие названного закона положениям ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, согласно которым «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Если основной закон фиктивен, то он не может сохранять длительную стабильность. Иными словами, залог стабильности основного закона состоит в том, что он отличается реальностью, то есть адекватно отражает действительность. В целом стабильность конституции – положительное и желаемое явление. Однако стабильность основного закона имеет и обратную сторону: конституция не должна превращаться в архаичный документ или в акт, оторванный от реальности и устремленный в будущее. Безусловно, планка конституционных ценностей и целей бывает весьма высокой и для того, чтобы к ней приблизиться, необходимо определенное время. Поэтому вполне

обоснованным представляется закрепление в конституции программных положений. Такого рода положения выступают своеобразной гарантией стабильности основного закона. Однако место ориентированных на будущее предписаний в конституции не должно быть значительным, ибо «потенциал закона нельзя считать эффективностью его действия» (Старилов 2005: 7). К тому же реализации «перспективных» положений конституции приходится ждать неопределенно долгое время, что свидетельствует о некоторой фиктивности основного закона.

Фиктивность конституции может быть обусловлена и частой изменчивостью общественных отношений, подвижностью внутренней политики государства. Особенно заметным это становится на примере «жестких» конституций, которые плохо приспособлены для оперативных и в то же время необходимых текстуальных изменений (например, конституции США, Польши, Португалии). Формальная неизменность конституции на фоне динамично развивающейся конституционной практики начинает отдалять основной закон от действительности, ослабляя его регулятивное значение. Конституция может не только игнорировать происходящие в обществе процессы, но и в известной мере препятствовать им. Такое положение становится закономерным в переходные эпохи, когда новый тип общественных отношений еще не сложился, а социальные, экономические и политические структуры еще не укоренились. Следовательно, конституция, принятая в переходный период, в принципе не может отличаться длительной стабильностью. В лучшем случае метаморфозы основного закона выражаются в поправках, а в худшем – завершаются его пересмотром.

Фиктивность конституции представляет собой наиболее очевидное, но не единственное проявление фикций в конституционном праве. В связи с этим возникают вопросы о характерных чертах, видах и конкретных примерах конституционно-правовых фикций. Представляется возможным выделить три отраслевые особенности конституционно-правовых фикций.

Во-первых, конституционно-правовые фикции проявляются в особой сфере, очерченной предметом конституционного права. В силу особой важности общественных отношений, регулируемых конституционным правом, и широты предмета данной отрасли права конституционно-правовые фикции имеют обширное поле действия и затрагивают приоритетные области жизнедеятельности. Главным образом, фикции применяются при регулировании вопросов федерализма, демократии, разделения властей, местного самоуправления, принципов правового положения личности. Масштабностью конституционно-правовых фикций объясняется их более заметное в сравнении с ролью фикций в иных отраслях права влияние на общественное сознание и развитие государства.

Во-вторых, конституционно-правовые фикции «зачастую носят ярко выраженную политическую и идеологическую окраску, выражают определенное мировоззрение, стремления, чаяния граждан, их образований и организаций, народа, общества в целом» (Пяткин 2016: 87). Политико-идеологическая «заряженность» фикций имеет свое объяснение, поскольку производна от политизированности и сильного идеологического импакта самой отрасли права.

В-третьих, в конституционном праве наблюдаются особые случаи действия фикций, следующие определенные ситуации, свидетельствующие о фиктивности конституционно-правовых норм.

А) Средой обитания фикций являются абстрактные правовые понятия, термины, понимание и толкование которых отличается дискусионностью и неоднозначностью. Как правило, у таких понятий отсутствуют легальные определения, не детализированы правовые признаки, что обуславливает их смысловую подвижность в зависимости от складывающейся конъюнктуры. В частности, к числу таких понятий относятся «государство», «демократия», «суверенитет», «справедливость», «свобода», «достоинство», «гражданское общество», «федерализм».

Б) С высокой степенью вероятности можно утверждать, что индикатором фиктивности являются ситуации, когда определенные конституционно-правовые нормы не получают должной конкретизации и дополнения (например, в нижестоящих по юридической силе актах) либо «обездвижены» отсутствием необходимого механизма реализации, организационных институтов, финансовых средств, гарантий правовой защиты и т.п. Иными словами, фиктивность конституционно-правовых норм вызывается незавершенностью и неполноценностью правового регулирования. Например, в течение 23 лет не реализуются нормы Конституции РФ, предусматривающие принятие федерального конституционного закона об изменении статуса субъекта РФ (ч. 5 ст. 66), федерального конституционного закона о Конституционном Собрании (ч. 2 ст. 135), а также федерального закона о статусе Совета Безопасности РФ (п. «ж» ст. 83). Только спустя девять лет после принятия Конституции РФ была принята в отдельном федеральном законе норма о праве граждан на альтернативную гражданскую службу (ч. 3 ст. 59) (Федеральный закон № 113-ФЗ, 2002). Лишь в 2001 г. с принятием Уголовно-процессуального кодекса были реализованы конституционные положения об исключительно судебных решениях по вопросам ареста, заключения под стражу и содержания под стражей (ч. 2 ст. 22).

В отдельных случаях фиктивность вызвана футуристичностью самой нормы Конституции, ее оторванностью от реалий общественной жизни. В действующей Конституции с момента ее принятия содержались основополагающие положения с весьма отдаленной перспективой реализации. К числу таковых могут быть отнесены, в частности, нормы, характеризующие Российскую Федерацию в качестве правового (ч. 1 ст. 1) и социального (ст. 7) государства.

В) Развитие нашей страны, особенно в первые годы XXI в., придало фиктивный характер ряду других норм российской Конституции. В настоящее время мало общего с действительностью имеют нормы Основного закона о разграничении посредством договоров компетенции между федеральными и региональными органами государственной власти (ч. 3 ст. 11), о республике как государстве в составе РФ (ч. 2 ст. 5), о существовании сферы остаточного ведения субъектов РФ (ст. 73), об осуществлении исполнительной власти в Российской Федерации Правительством РФ (ч. 1 ст. 110) и др.

Так, усиление центростремительных тенденций во внутрифедеративных отношениях ослабило самостоятельность субъектов РФ и укрепило их зависимость от федерального центра. В этих условиях обнажились недостатки вертикальных внутрифедеративных договоров, в связи с чем федеральный центр взял курс на аннулирование действующих и ограничение появления новых договоров. Названная перспектива была подтверждена Президентом РФ в его Послании Федеральному Собранию 2001 г. В нем глава государства особо подчеркнул, что определение конкретных полномочий центра и субъектов РФ в рамках их совместной компетенции должно осуществляться «именно федеральными законами и прежде всего федеральными законами» (Послание Президента РФ, 2001). Легальная основа свертывания договорного процесса была заложена в ст. 26.7 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ (в редакции от 4 июля 2003 года) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Согласно закону заключение внутрифедеративных вертикальных договоров возможно только в случае, «если это обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта Российской Федерации, и в той мере, в которой указанными особенностями определено иное, чем это установлено федеральными законами, разграничение полномочий» (Федеральный закон № 184-ФЗ, 1999: 26.7). Из этого следует, что, во-первых, установлен приоритет федерального закона по отношению к договору, во-вторых, возможности субъектов РФ по заключению договоров оказались значительно сужены, поскольку не каждый из них в состоянии обосновать необходимость заключения подобного договора. В результате изменения политической практики оказались нейтрализованы положения ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, предусматривающие разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов посредством соответствующих договоров. Очевидно, что потенциал одной и той же нормы Конституции РФ (ч. 3 ст. 11) проявился по-разному в зависимости от изменения политического курса на соответствующем этапе развития страны.

В отношении положения Конституции РФ об осуществлении исполнительной власти в Российской Федерации Правительством РФ конституционное законодательство и конституционная практика демонстрируют активную роль Президента РФ в формировании Правительства РФ, установлении его структуры, прекращении деятельности и, главное, акцентируют непосредственное подчинение главе государства отдельных федеральных органов исполнительной власти в области обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, в вопросах предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий. Вследствие изменения общественно-политической обстановки закономерны трудности в реализации подобных норм-фикций вплоть до невозможности их правоосуществления.

Г) Конституционно-правовые фикции обнаруживают себя в случаях «преобразования» норм Конституции текущим законодательством или ре-

шениями Конституционного Суда РФ. (Под «преобразованием» Конституции РФ мы понимаем изменение, порой существенное, смысла ее отдельных положений без формального вторжения в конституционный текст.) (Аничкин 2010: 153). «Преобразованная» норма получает новое прочтение и начинает жить второй жизнью, воспринимается не в буквальном первоначальном виде, а в том контексте, который формируется посредством развивающихся норму Конституции РФ федеральных конституционных законов, федеральных законов, постановлений и определений Конституционного Суда РФ. Собственно норма Основного закона приобретает фиктивный характер, поскольку в своем изначальном смысловом варианте перестает существовать.

Когда конституция отличается подлинной стабильностью, вероятным и оптимальным вариантом ее развития становится адекватная (то есть не порождающая нарушений) реализация конституционных положений в текущем законодательстве и решениях правоприменительных органов. Если же неизменность конституции искусственно поддерживается верховной властью, то такая стабильность является только внешней. В условиях, когда стабильность конституции начинает мешать общественному развитию, а ее отдельные нормы оказываются нежизнеспособными, рано или поздно встает вопрос о внесении в конституцию поправок и даже ее пересмотре. Переходным этапом между адекватной реализацией конституции и ее текстуальными изменениями является «преобразование» основного закона. Зачастую «преобразование» выступает показателем отдаленности некоторых норм конституции от действительности и одновременно способом ослабления их фиктивности. Именно такой гибкий, промежуточный путь развития российской Конституции наблюдается в современный период. Другими словами, Конституция РФ, сохраняя формальную стабильность, фактически начинает ее утрачивать. Следовательно, стабильность Конституции РФ приобретает мнимый, декоративный характер. Использование такого варианта развития Основного закона, как «преобразование», позволяет ослабить фиктивность формальной Конституции РФ и в то же время усилить ее адекватность фактической конституции. В этой связи следует согласиться с мнением Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, согласно которому нашу Конституцию как богатейшую кладовую неярких знаний «следует не править, а интерпретировать» (Корня 2004: 3).

«Преобразование» раскрывается в особых юридико-технических приемах, представляющих собой своего рода инструментарий нетекстуальной модификации Конституции РФ. На наш взгляд, к их числу могут быть отнесены следующие: 1) ограничение первоначального смысла нормы; 2) расширение первоначального смыслового объема нормы; 3) искажение подлинного смысла нормы, вплоть до его выхолащивания (например, путем изменения характера предписаний нормы); 4) фактическое дополнение нормы в результате обнаружения скрытого в ней смысла; 5) заполнение пробела в Основном законе и, как следствие этого, фактическое создание новых конституционных норм, внедрение новых правовых понятий; 6) «восполнение» конституционной нормы путем насыщения конкретным содержанием абстрактных понятий и юридических конструкций;

7) нейтрализация нормы Основного закона в результате вытеснения ее «преобразованной» нормой или вследствие долговременного отсутствия практики ее реализации (так называемые мертвые нормы). В этом плане «преобразование» представляет собой своеобразный инструментарий отклонения от нормативно заданной реализации Конституции РФ. Конституционная норма может «преобразовываться» одновременно с помощью нескольких совместимых приемов (например, путем расширения буквального смысла нормы и ее фактического дополнения).

Примером «преобразования» Конституции РФ путем ограничения буквального смысла содержащегося в ней понятия может служить Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Он принят на основе ч. 2 ст. 65 Конституции РФ, в которой установлено, что «принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом». Буквальное понимание термина «образование» в данном контексте позволяет вести речь, по крайней мере, о таких случаях, как объединение субъектов РФ, разделение субъекта РФ на два и более новых субъекта РФ, выделение одного субъекта РФ из состава другого. Однако согласно ч. 1 ст. 5 закона «образование в составе Российской Федерации нового субъекта может быть осуществлено в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации» (Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ, 2001). Как видно, законодатель уравнил по смыслу понятия «образование» и «объединение», хотя первое понятие по смыслу более широкое.

Или другой пример. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» Суд модифицировал положения ч. 4 ст. 125 Конституции РФ путем придания им обязывающего характера. Согласно данным положениям Конституционный Суд по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. Разъясняя это правило, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» указал на то, что суды могут обращаться в Конституционный Суд России (Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8, 1995). Последний сформулировал иное правило: «Суд общей юрисдикции или арбитражный суд, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации федерального закона или закона субъекта Российской Федерации, не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого закона» (п. 2 резолютивной части Постановления от 16 июня 1998 г. № 19-П) (Постановление Конституционного Суда РФ № 19-П, 1998). Из сказанного следует, что нейтральная по характеру предписаний норма сначала была «преобразована» в дозволительную, а затем в обязывающую.

Интересна иллюстрация «преобразования», связанная с неопределенностью нормы Конституции РФ. Неопределенность правовой нормы влечет ее разное понимание, толкование, а также «допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу» (Басангов 2004: 106). Еще серьезнее ситуация, когда речь идет о норме Конституции РФ, которая из-за своей неопределенности подвергается односторонней трактовке, подрывающей ее демократический потенциал. Иллюстрацией может послужить Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 года № 28-П по делу «О толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации». По данному Постановлению трое судей Конституционного Суда (Н.В. Витрук, В.О. Лучин, В.И. Олейник) выразили особые мнения, что весьма показательно. В своем запросе Государственная Дума обратилась к Конституционному Суду за разъяснением, вправе ли Президент РФ вновь представлять отклоненную Государственной Думой кандидатуру Председателя Правительства РФ. Суд решил, что «Президент Российской Федерации при внесении в Государственную Думу предложений о кандидатурах на должность Председателя Правительства Российской Федерации вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата» (Постановление Конституционного Суда РФ № 28-П, 1998). Прав Н.В. Витрук, отмечая в особом мнении, что «из буквального смысла текста статьи 111 ... вытекает следующее общее правило: Президент Российской Федерации должен представлять каждый раз новую кандидатуру на пост Председателя Правительства Российской Федерации при ее отклонении Государственной Думой», ибо слово «кандидатура» предполагает множественность лиц. Таким образом, Суд расширил варианты поведения главы государства в сравнении с буквальным смыслом конституционных положений.

Познание конституционно-правовых фикций невозможно без выявления многообразия видов данного феномена. В правовой доктрине вообще и науке конституционного права в частности предлагается ряд классификаций фикции (Курсова 2001; Танимов 2007: 13-16; Ильина 2011). Наиболее распространено деление фикций по уровню юридической силы, по содержанию, по продолжительности существования, по форме выражения, по отношению к фактическим обстоятельствам, по институтам конституционного права.

В зависимости от уровня юридической силы фикции принято подразделять на конституционные, то есть содержащиеся непосредственно в тексте основного закона, и подконституционные – закрепляемые в иных нормативных правовых актах. Если фикции первого типа имеют первичный и базовый характер, то фикции второго типа – производный. Так, признаки фиктивности имеет установленный в ч. 1 ст. 5 Конституции РФ принцип равноправия субъектов РФ, поскольку из этого принципа сам же Основной закон делает ряд исключений в ч. 2 ст. 5, ч. 3 ст. 66 и ч. 4 ст. 66. Примером подконституционных фикций являются положения Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (в редакции от 28 декабря 2016 года) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», подвергнувшие существенной корректировке буквальный смысл

конституционной нормы о самостоятельности населения в определении структуры органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 131 Конституции РФ). Несмотря на положение Конституции РФ, Закон от 6 октября 2003 года устанавливает унифицированную структуру органов местного самоуправления в лице представительного органа (ст. 35), главы муниципального образования (ст. 36) и местной администрации (ст. 37) (Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003), чем нейтрализует действенность соответствующей конституционной нормы.

Критерий содержания позволяет различать материальные, процессуальные и смешанные фикции. Примером материальной фикции, фиксирующей определенные факты или состояния, выступает абстрактная и недефинируемая категория «суверенитет нации». Иллюстрацией процессуальной фикции в рамках законодательных процедур являются положения ч. 4 ст. 105 Конституции РФ, согласно которым «федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты либо если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации». То есть Совет Федерации может вообще устраниваться от рассмотрения федерального закона, но его фактическое бездействие будет рассматриваться как одобрение закона «по умолчанию». В качестве смешанной фикции, на наш взгляд, можно указать не совсем адекватную реальности ч. 1 ст. 19 Конституции РФ о равенстве всех перед законом. Отечественное законодательство изобилует огромным количеством всевозможных исключений из этого правила, ставящих под сомнение собственно конституционное правило.

Разграничение фикций по продолжительности существования предполагает их статический и динамический характер. Как следует из названия, статические фикции отличаются длительностью существования и относительной устойчивостью, а динамические, напротив, кратковременны, подвижны и ситуативны. В частности, статичную фиктивность демонстрирует ст. 10 Конституции РФ о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. Авторитет данной нормы подрывается ч. 2 ст. 95 Конституции РФ, предусматривающей, что в «Совет Федерации входят: по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации – по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти». Иными словами, со времени принятия Конституции РФ при формировании состава Совета Федерации наблюдается не разделение, а смешение двух ветвей власти. Заметим, что ст. 10 Конституции РФ относится к основам конституционного строя, которым не могут противоречить никакие другие положения Конституции РФ. Более того, основы конституционного строя как нормы базового характера должны поддерживаться действием более конкретных норм, содержащихся в главах 2-9 Конституции РФ.

Динамичная фикция просматривается в положениях ч. 3 ст. 93 Конституции РФ: «Решение Совета Федерации об отрешении Президента Российской Федерации от должности должно быть принято не позднее чем в трехмесячный срок после выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента. Если в этот срок решение Совета Федерации не будет

принято, обвинение против Президента считается отклоненным». Как видно, бездействие верхней палаты Федерального Собрания в пределах строго определенного срока влечет за собой освобождение главы государства от уголовной ответственности даже в случае, когда имеются ее основания.

Форма выражения как критерий классификации обуславливает выделение открытых и скрытых (латентных) фикций. Если открытые фикции очевидны и прямо закреплены в тексте нормативного правового акта, то скрытые фикции имеют завуалированный характер и обнаруживаются через толкование норм права. Более того, при преобразовании Основного закона скрытые фикции являются нетекстуальными, поскольку норма конституции остается формально неприкосновенной. Например, традиционно признаками фиктивности обладает любое делегирование полномочий. В этой связи пример открытой фикции – ч. 3 ст. 92 Конституции РФ, в соответствии с которой «во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации». Пример скрытой фикции демонстрирует Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П, которым был преобразован буквальный смысл ч. 2 ст. 125 Конституции РФ. Согласно п. 2.1 Постановления Суд выступает в качестве судебной инстанции, «уполномоченной окончательно разрешать публично-правовые споры о соответствии Конституции Российской Федерации и федеральным законам нормативных актов субъектов Российской Федерации, в том числе устанавливая, что акты, которыми определяется их конституционный статус, противоречат федеральному закону» (Постановление Конституционного Суда РФ № 8-П, 2002). Тем самым кроме Конституции РФ эталоном проверки региональных нормативных правовых актов стал также федеральный закон. Однако ч. 2 ст. 125 Конституции РФ предусматривает возможность проверки различных нормативных актов и нормативных договоров на предмет соответствия только Конституции РФ.

По отношению к фактическим обстоятельствам различаются положительные и отрицательные фикции. Положительные фикции признают реально не существующие обстоятельства существующими, а отрицательные, наоборот, отрицают реально существующие обстоятельства. Иллюстрацией положительной фикции является декларирование республик в составе РФ в качестве государств (ч. 2 ст. 5), хотя очевидно, что необходимыми признаками государства они не обладают. Противоположная фикция (отрицательная) усматривается нами в положениях ч. 1 ст. 11 Конституции РФ, согласно которой «государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». Не требует доказывания тезис о выполнении государственно-властной деятельности органами прокуратуры, но согласно указанной норме они находятся за пределами субъектов, осуществляющих государственную власть.

Указанные факты фикций наблюдаются в различных институтах конституционного права России. Фиктивные правовые начала частично проникли в

основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, федеративное устройство, институт президентства, парламентское право, законодательный процесс, в местное самоуправление.

Вышесказанное позволяет предложить следующее определение конституционно-правовых фикций: это нормативные положения, содержащиеся в Конституции РФ и иных источниках конституционного права, которые признают заведомо несуществующее положение существующим и наоборот, а также имеют отраслевые особенности.

Анализ Конституции РФ и текущего законодательства подтверждает всеохватность и распространенность фикций в рамках конституционного права как отрасли права, что придает определенную злободневность вопросу о пределах их осуществления. Учитывая неоднозначную роль фикций в конституционном праве, полагаем, что применение фикции как приема юридической техники целесообразно тогда, когда ее неприменение вызовет более негативные последствия. В ряде случаев применение фикций необходимо и неизбежно, но при любых обстоятельствах они не должны подрывать действенность права как регулятора общественных отношений и эффективность его реализации. Использование фикций в конституционном праве должно быть глубоко обоснованным, умеренным и фрагментарным. Несмотря на возможные колебания в интенсивности применения этого приема юридической техники, фикции были и остаются ярким свидетельством расхождения между формальной конституцией и действительностью, а также атрибутом правовой жизни современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аничкин Е.С. 2010. Преобразование Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце XX – начале XXI в. М. : Юрлитинформ. 416 с.

Басангов Д.А. 2004. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М. 185 с.

Еллинек Г. 2004. Общее учение о государстве. СПб. : Юрид. центр-Пресс. 752 с.

Зражевская Т.Д. 1999. Реализация конституционного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж. 371 с.

Ильина Е.В. 2011. Классификация конституционно-правовых фикций [Электронный ресурс] // Современные науч. исследования и инновации. № 6. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3011> (дата обращения: 14.08.2017).

Ильинский И.П. 1980. К вопросу о правовой природе и механизме действия советских конституционных норм // Конституционная система развитого социализма / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. С. 11-14.

Карпенко К.В. 2013. Юридические фикции и презумпции в конституционном праве России // Моск. журн. междунар. права. № 2 (90). С. 124-143.

Ким Ю.В. 2014. Фикции в конституционном праве: происхождение, сущность, значение. Кемерово : LAP LAMBERT Academic Publishing. 208 с.

Корня А. 2004. Конституции приспособят к жизни // Независимая газ. 1 марта. С. 3.

Краец И.А. 2003. Российская Конституция и проблемы эффективности ее реализации // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. № 4 (45). С. 73-76.

Курсова О.А. 2001. Фикции в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 34 с.

Лукьянова Е.А. 2003. Государственность и конституционное законодательство России : дис. ... д-ра юрид. наук. М. 391 с.

Лучин В.О. 2002. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 687 с.

Мазуров А.В. 2004. Конституция и общественная практика. М. : Частное право. 364 с.

Мухачев И.В. 1998. Проблемы теории российского конституционного права. М. : Манускрипт. 115 с.

Нерсесянц В.С. 1998. Философия права. М. : НОРМА-ИНФРА. 652 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 2010. Толковый словарь русского языка. М. : А ТЕМП. 874 с.

Пяткин В.Н. 2016. Фикции в конституционном праве // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер.: Юрид. науки. № 3 (26). С. 86-88.

Старилов Ю.Н. 2005. Будущее Конституции Российской Федерации: «реализация без изменений», «преобразование» или «неизбежность пересмотра»? (ч. 1) // Право и политика. № 1. С. 4-24.

Танимов О.В. 2007. Система юридических фикций в современном российском праве // Вестн. Рос. правовой акад. № 1. С. 13-16.

Филимонова И.В. 2013. Основные современные учения о юридических фикциях в праве России. М. : Юрлитинформ. 282 с.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4916.

Федеральный закон от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3030.

Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004. № 35. Ст. 3607.

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 года № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25. Ст. 3004.

Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 года № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 52. Ст. 6447.

Постановление Конституционного Суда РФ от 04 апреля 2002 года № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 15. Ст. 1497.

Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Рос. газ. 2001. № 66, 4 апр.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 1996. № 1.

E. Anichkin. Fiksii v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii: osobennosti, vidy, deystviye [Fictions in the constitutional law of the Russian Federation: peculiarities, types, action], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-d-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 87–105. (in Russ.).

Evgenii S. Anichkin, Doctor of Law, Associate Professor, Head, Department of Labor, Environmental Law, and Civil Procedure, Altai State University, Barnaul, Russia.
E-mail: rrd231@rambler.ru

Article received 17.10.2017, accepted 12.01.2018, available online 01.07.2018

FICTIONS IN THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: PECULIARITIES, TYPES, ACTION

Abstract. Constitutional and legal fictions as a phenomenon of modern legal reality are investigated in the article. Legal fiction is a phenomenon, in which fictitious position is declared as an existing one; it acquires binding character due to its reflection in the norms of law, or vice versa, the actual situation is recognized as non-existent. Sectorial features of the constitutional and legal fictions mean that they have a vast sphere of action and affect priority areas of life; in their majority, they differ in a pronounced political and ideological orientation, and are observed in special cases. Such cases include abstract legal concepts, terms, understanding and interpretation of which are ambiguous; situations when constitutional and legal norms do not receive proper specification and development in other normative legal acts; “transformation” of the norms of the Constitution by current legislation or decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, by which the author understands change (sometimes significant) of meaning of its individual provisions without formal invasion into constitutional text.

Special attention is paid to the classifications and specific manifestations of fictions in the constitutional law of the Russian Federation. Depending on the level of legal force, fictions can be subdivided into constitutional and sub-constitutional; depending on the content – into material, procedural and mixed; depending on the duration of the

existence – into static and dynamic; depending on expression form – into open and hidden (latent); depending on the attitude towards actual circumstances – into positive and negative; depending on institutions of the constitutional law of Russia – into fictions in foundations of the constitutional system, rights and freedoms of human being and citizen, federal structure, institution of the president, parliamentary law, legislative process, and local self-government.

As a result, constitutional and legal fictions are defined as normative provisions contained in the Constitution of the Russian Federation and other sources of the constitutional law that recognize condition, which does not exist as existing, and vice versa, and also have industry features. The author underlines the ambiguous role of fictions in the constitutional and legal regulation of social relations, and the need to optimize their use.

Keywords: constitutional fiction; reality of constitutional provisions; fictitiousness of constitutional provisions; legal life; transformation of the Constitution.

References

Anichkin E.S. *Preobrazovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i razvitie konstitutsionnogo zakonodatel'stva v kontse XX – nachale XXI v.* [Transformation of the Constitution of the Russian Federation and the development of constitutional legislation in the late XX – early XXI century], Moscow, Yurlitinform, 2010, 416 p. (in Russ.).

Basangov D.A. *Doktrinal'noe konstitutsionnoe tolkovanie v deyatel'nosti Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii : dis. ... kand. jurid. nauk* [Doctrinal constitutional interpretation in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation: dissertation], Moscow, 2004, 185 p. (in Russ.).

Ellinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General doctrine of the state], St. Petersburg, Yurid. tsentr-Press, 2004, 752 p. (in Russ.).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 17 dekabrya 2001 goda № 6-FKZ «O poryadke prinyatiya v Rossiyskuyu Federatsiyu i obrazovaniya v ee sostave novogo sub»ekta Rossiyskoy Federatsii» [Federal constitutional law on December 17, 2001 No. 6-FKZ “On the Procedure for Admission to the Russian Federation and Education in its Composition of a New Subject of the Russian Federation”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2001, no. 52, pt. 1, art. 4916. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 06 oktyabrya 1999 goda № 184-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub»ektov Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law on October 06, 1999 No. 184-FZ “On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1999, no. 42, art. 5005. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 06 oktyabrya 2003 goda № 131-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law on October 06, 2003 No. 131-FZ “On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2003, no. 40, art. 3822. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 22 avgusta 2004 goda № 122-FZ «O vnesenii izmeneniy v zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem federal'nykh zakonov “O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Federal'nyy zakon “Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub»ektov Rossiyskoy Federatsii” i “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii”» [Federal Law on August 22, 2004 No. 122-FZ “On Amending the

Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing the Invalidation of Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of Federal Laws» On Amendments and Additions to the Federal Law «On General Principles for the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation «and» On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2004, no. 35, art. 3607. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 25 iyulya 2002 goda № 113-FZ «Ob al'ternativnoy grazhdanskoj sluzhbe» [Federal Law on July 25, 2002 No. 113-FZ “On Alternative Civil Service”], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 30, art. 3030. (in Russ.).

Filimonova I.V. *Osnovnye sovremennyye ucheniya o yuridicheskikh fiktsiyakh v prave Rossii* [The main modern doctrines on legal fictions in the law of Russia], Moscow, YurLitinform, 2013, 282 p. (in Russ.).

I'ina E.V. *Klassifikatsiya konstitutsionno-pravovykh fiktsiy* [Classification of constitutional and legal fictions], *Sovremennyye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, 2011, no. 6, available at: URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3011> (accessed August 14, 2017). (in Russ.).

I'inskiy I.P. *K voprosu o pravovoy prirode i mekhanizme deystviya sovetskikh konstitutsionnykh norm* [To the question of the legal nature and mechanism of the operation of Soviet constitutional norms], *B.N. Topornin (resp. ed.), Konstitutsionnaya sistema razvitogo sotsializma*, Moscow, 1980, pp. 11-14. (in Russ.).

Karpenko K.V. *Yuridicheskie fiktsii i prezumptsii v konstitutsionnom prave Rossii* [Legal fictions and presumptions in the constitutional law of Russia], *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2013, no. 2 (90), pp. 124-143. (in Russ.).

Kim Yu.V. *Fiktsii v konstitutsionnom prave: proiskhozhdenie, sushchnost', znachenie* [Fictions in constitutional law: origin, essence, meaning], Kemerovo, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, 208 p. (in Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) (v red. ot 21.07.2014) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993)], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 31, art. 4398. (in Russ.).

Kornya A. *Konstitutsii prisposobyat k zhizni* [Constitution will adapt to life], *Nezavisimaya gazeta*, 2004, March 1, pp. 3. (in Russ.).

Kravets I.A. *Rossiyskaya Konstitutsiya i problemy effektivnosti ee realizatsii* [The Russian Constitution and the problems of the effectiveness of its implementation], *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*, 2003, no. 4 (45), pp. 73-76. (in Russ.).

Kursova O.A. *Fiktsii v rossiyskom prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Fictions in the Russian law: abstr. of diss.], Nizhny Novgorod, 2001, 34 p. (in Russ.).

Luchin V.O. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii* [The Constitution of the Russian Federation. Problems of implementation], Moscow, YuNITI-DANA, 2002, 687 p. (in Russ.).

Luk'yanova E.A. *Gosudarstvennost' i konstitutsionnoe zakonodatel'stvo Rossii : dis. ... d-ra yurid. nauk* [Statehood and constitutional legislation: dissertation], Moscow, 2003, 391 p. (in Russ.).

Mazurov A.V. *Konstitutsiya i obshchestvennaya praktika* [Constitution and public practice], Moscow, Chastnoe pravo, 2004, 364 p. (in Russ.).

Mukhachev I.V. *Problemy teorii rossiyskogo konstitutsionnogo prava* [Problems of the theory of Russian constitutional law], Moscow, Manuscript, 1998, 115 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law], Moscow, NORMA-INFRA, 1998, 652 p. (in Russ.).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language], Moscow, A TEMP, 2010, 874 p. (in Russ.).

Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly], *Rossiyskaya gazeta*, 2001, no. 66, April 4. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 04 aprelya 2002 goda № 8-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub»ektov Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zaprosami Gosudarstvennogo Sobraniya (Il Tumen) Respubliki Sakha (Yakutiya) i Soveta Respubliki Gosudarstvennogo Soveta – Khase Respubliki Adygeya» [Decision of the constitutional court of the Russian Federation on April 04, 2002 No. 8-P "In the case of the verification of the constitutionality of certain provisions of the Federal Law «On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation» in connection with the requests of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Council of the Republic of the State Council – Republic of Adygea"], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 15, art. 1497. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 dekabrya 1998 goda № 28-P «Po delu o tolkovanii polozheniy chasti 4 stat'i 111 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii» [Decision of the constitutional court of the Russian Federation on December 11, 1998 No. 28-P "In the case of the interpretation of the provisions of part 4 of Article 111 of the Constitution of the Russian Federation"], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1998, no. 52, art. 6447. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 iyunya 1998 goda № 19-P «Po delu o tolkovanii otdel'nykh polozheniy statey 125, 126 i 127 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii» [Decision of the constitutional court of the Russian Federation on June 16, 1998 No. 19-P "In the case of the interpretation of certain provisions of Articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation"], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1998, no. 25, art. 3004. (in Russ.).

Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 31 oktyabrya 1995 goda № 8 «O nekotorykh voprosakh primeneniya sudami Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii pri osushchestvlenii pravosudiya» [Resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation on October 31, 1995 No. 8 "On Some Issues of Application by the Courts of the Constitution of the Russian Federation in the Administration of Justice"], *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 1996, nro. 1. (in Russ.).

Pyatkin V.N. *Fiktsii v konstitutsionnom prave* [Fictions in constitutional law], *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki*, 2016, no. 3 (26), pp. 86–88. (in Russ.).

Starilov Yu.N. *Budushchee Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: «realizatsiya bez izmeneniy», «preobrazovanie» ili «neizbezhnost' peresmotra»? (chast' 1)* [The future of the Constitution of the Russian Federation: "implementation without changes", "transformation" or "the inevitability of revision"? (pt. 1)], *Pravo i politika*, 2005, no. 1, pp. 4–24. (in Russ.).

Tanimov O.V. *Sistema yuridicheskikh fiktsiy v sovremennom rossiyskom prave* [System of legal fictions in modern Russian law], *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*, 2007, no. 1, pp. 13–16. (in Russ.).

Zrazhevskaya T.D. *Realizatsiya konstitutsionnogo zakonodatel'stva : dis. ... d-ra yurid. nauk* [Implementation of constitutional legislation: dissertation], Voronezh, 1999, 371 p. (in Russ.).